

Я — неоконченная поэма

Мак. правда. - 1993. - 24 июля. - С. 7.

На празднование 100-летия со дня рождения Владимира Маяковского в Москву приехала большая группа американских исследователей его творчества, чтобы встретиться со своими коллегами на конгрессе, организованном Институтом мировой литературы. Возглавила делегацию профессор Лемановского колледжа Патриция Томпсон, или Елена Владимировна (при рождении ее назвали Элли). Разговор ученых о Маяковском начался с эмоционального выступления Елены Владимировны, которая решила не зачитывать официальный доклад, а поделилась своими ощущениями — каково быть дочерью великого поэта. Думаем, что это представляет интерес и для наших читателей.

— В моей жизни две стороны — русская и американская, и в этом заключается диалектика. Диалектическое начало — в постоянной борьбе двух культур, и разрешение этого конфликта можно видеть только в их синтезе.

Я приехала в Москву как член семьи Владимира Маяковского, с субъективной стороны это для меня столь же важно, как и моя научная работа. Мной написана книга, в основу которой легли воспоминания моей матери Элли Джонс о том, как складывались ее отношения с Маяковским, что происходило в их судьбах еще до моего рождения. Я росла, зная кто я есть, в отличие от всех вас, не знавших о моем существовании. Это очень отразилось на формировании меня как личности.

Как и другие американцы, я очень озабочена политическими результатами революций. Я — дочь революции, поскольку мою мать можно, скорее всего, отнести к лагерю белогвардейцев, а отца — к ярким революционерам. И если вы сейчас хотите развенчать революцию, то тогда должны вернуть земли, принадлежавшие семье моей матери. Хотя, если говорить серьезно, я рада, что в доме деда теперь размещается детский дом. Говорю это к тому, что нельзя пытаться изменить, зачеркнуть историю.

Обычно повзрослевших детей представляют в обществе их родители, и девочки идут под руку с отцами. Но я вхожу к вам под руку с историей. И танцевать мне выпало с тем, кого я зову «товарищ история». Это означает, что мой взгляд иногда опережает время, и вам трудно определить, где я сама нахожусь, что напоминает картины экспрессионистов.

Я приехала из страны, где о Маяковском не знает никто, кроме интеллигенции, туда, где о нем знает каждый. Если вы спросите меня, что я чувствую по этому поводу, то могу привести в пример доисторическую рыбу, обнаруженную учеными, которая, когда ее поднимают из глубин на поверхность, — погибает. Так вот, я похожа на эту рыбу, жившую на такой глубине, что о ней никто не знал, но в отличие от нее, поднявшись

наверх, — не умерла, продолжаю жить. Ученые, обнаружившие доисторическую рыбу, вынуждены были изменить свой взгляд на ихтиологию, а маяковеды, узнав о моем существовании, должны пересмотреть свои взгляды на Маяковского, исходя из фактов его жизни в течение трех с половиной месяцев в Америке. Нужно из статуи сделать человека. Хочется, чтобы ученые не были похожи на двух русских эмигранток, с которыми я как-то встретила в Нью-Йорке: когда им сказали, что

я — дочь Маяковского, они сказали, что это неправда, потому что у него не было детей. Это у Лили Брик не было детей, а я — перед вами.

Ученые, изучая архивы, могли не встретить материалы об Элли Джонс. Я знаю, когда мама и отец должны были расстаться, они сказали друг другу: мы не будем никому говорить о том, что случилось. Почему? Я думаю, в то время это было слишком опасно. Им нечего было стыдиться своих чувств, но были и глубоко личные причины. Однако в любом случае молчание было необходимо. Но не мне учить русских политике умалчивания.

Я сама — история. Я выпрыгнула из ваших толстых папок, пылящихся в кабинетах, выплыла из складок тканей, которыми задрапирован Маяковский, буду осыпаться на вас штукатуркой. А вы, отряхивая ее, не будете знать, что это дает знать о себе ваша история. Как видите, я заговорила метафорами,

думаю, сказываются поэтические гены отца.

Еще могу сказать, что я чувствую себя «больше Маяковским», чем сын, если бы он родился. Хочу напомнить: пол будущего ребенка зависит от У-хромосом и Х-хромосом. Мою Х-хромосому дал мне Маяковский. Это он захотел, чтобы я родилась девочкой. Будете ли вы уважать меня, зная, что 50 процентов моей крови — частица Маяковского? Конечно, я и сама по себе кое-что значу как личность. Почему на сильных характером женщин смотрят как на диковинку?

Женщинам античности вменялось в обязанность хоронить своих родственников. Я же, как дочь, хочу видеть возрождение Маяковского. Такое возрождение, чтобы он был не плоским изображением на картине, а объемным, которое можно обойти и рассмотреть со всех сторон.

Меня часто спрашивают: какую поэму или стихотворение отца я люблю больше всего? На юбилейном вечере я написала стихотворение, где ответила на этот вопрос. Я сама — самая любимая поэма Маяковского. Вот что говорится в моем коротком стихотворении. Известный математик, умерев, оставил недоказанной теорему. Но спустя время при помощи компьютера она была доказана. Маяковский умер и оставил незаконченные стихи. Я — его неоконченная поэма. Могут ли другие поэты дописать ее? Ни одному человеку это не по силам, такое может сделать только вся Россия.

Я чувствую, что была в ссылке почти 70 лет и вернулась сюда с огромной любовью к России. Эта любовь была мне привита моей матерью в память об отце. И никакие революции не могут эту любовь изменить.

Записала
Л. ФОМИНА.

Итого

41

№ строки

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29